

ФИЛОСОФИЯ И НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

Л.Б. Макеева

ТЕОРИЯ РЕЛЕВАНТНОСТИ, ПРАГМАТИКА И ПРОБЛЕМА ЗНАЧЕНИЯ*

Макеева Лолита Брониславовна – доктор философских наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: lmakeeva@hse.ru

В статье обсуждается теория релевантности, выдвинутая в середине 1980-х гг. Дэном Спербером и Дэйдрой Уилсон, в контексте современного противоборства между сторонниками «философии идеального языка», или формальной семантики, и «философии обыденного языка». Хотя эта теория создавалась как вариант когнитивной прагматики, области на стыке когнитивных наук и теоретической лингвистики, она представляет безусловный интерес для философского осмысления языка, вербальной коммуникации и природы значения. Трактую вербальную коммуникацию как когнитивный процесс, Спербер и Уилсон формулируют два важнейших принципа, лежащих в основе этого процесса, – когнитивный и коммуникативный принципы релевантности. В статье разъясняются основные понятия теории – остенсивная коммуникация, информационное и коммуникативное намерение, оптимальная релевантность, экспликатура; демонстрируется, в чем авторы теории видят преимущество «инференциальной» модели коммуникации над «кодовой», как представляют процесс интерпретации высказывания говорящего слушающим на «имплицитном» и «эксплицитном» уровне и какую роль отводят в этом процессе прагматическим выводам. В ходе изложения теории релевантности проводится ее сопоставление с картиной вербальной коммуникации, разработанной Полом Грайсом, показывается, что, хотя Спербер и Уилсон во многом отталкиваются от идей Грайса, они вносят и существенные изменения, поэтому их считают представителями постграйсовской прагматики. В заключение анализируется, как, согласно теории релевантности, следует проводить границу между семантикой и прагматикой. Обсуждается, как предложенное в ней решение изменяет трактовку природы значения и какие это имеет последствия для философии.

Ключевые слова: релевантность, вербальная коммуникация, значение предложения; значение, вкладываемое говорящим; семантико-прагматическое различие, инференциальная модель коммуникации, экспликатура, имплицатура, коммуникативное намерение

Для цитирования: *Макеева Л.Б.* Теория релевантности, прагматика и проблема значения // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 3. С. 125–139.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

I

Что есть значение? Этот вопрос относится к центральным проблемам, занимавшим философов аналитической традиции на протяжении всего XX в. и продолжающим их волновать и в XXI в. Казалось бы, что может быть привычнее и банальнее того факта, что произносимые нами слова, словосочетания и предложения обладают значением, знание которого и позволяет нам понимать друг друга в нашей языковой коммуникации? Но как объяснить этот факт? В чем состоит феномен или природа значения – того, «что делает язык *языком*»?¹ Почему, произнося определенные звуки, люди способны выражать и передавать свои мысли, задавать вопросы, делиться своими соображениями и догадками, высказывать сомнения и совершать великое множество других действий? Именно на эти вопросы стремятся дать ответ философы языка, и нельзя не поразиться разнообразию выдвинутых в аналитической философии идей и концепций, посвященных проблеме значения. Впрочем, все это многообразие идей и подходов укладывается в две главные стратегии, которые сегодня в литературе принято обозначать как «философия идеального языка», или формальная семантика, и «философия обыденного языка». В первой стратегии, основы которой были заложены Фреге, Расселом, Карнапом и Тарским и которая во многом обрела свои современные очертания благодаря Ричарду Монтегю, язык рассматривается как формальная система, допускающая строгое описание средствами символической логики. Центральной идеей этой стратегии является тезис о том, что знать значение предложения, т.е. понимать его – значит знать условия, при которых это предложение было бы истинным. Для второй стратегии, берущей свое начало в трудах позднего Витгенштейна, Остина и Стросона, характерно подчеркнутое внимание к действительному словоупотреблению. Описывая богатое разнообразие форм вербальной коммуникации, сторонники этой стратегии отмечали наличие сложных и тонких нюансов значения в высказываниях собеседников, полностью выпадающих из рассмотрения, если значение трактуется в терминах условий истинности.

Противоборство этих двух стратегий было столь ожесточенным, что его часто описывали в таких выражениях, как «гомеровская борьба»² или «лингвистические войны»³. Казалось, что ничто не сможет примирить оппонентов и преодоление разногласий между ними произойдет, только когда одержит верх одна из сторон. Однако довольно скоро компромисс был предложен оксфордским философом Полом Грайсом в лекциях, прочитанных им в Гарварде в 1967 г. Проведя четкое различие между значением предложения (значением, складывающимся из конвенционального значения использованных в нем слов и словосочетаний) и значением, вкладываемым говорящим (*speaker's meaning*), Грайс показал, что если первое вполне допускает

¹ Dummett M. What Do I Know When I Know a Language // Dummett M. The Seas of Language. Oxford, 1996. P. 96.

² Strawson P.F. Meaning and Truth // Strawson P.F. Logico-Linguistic Papers. L., 1971. P. 172.

³ См.: Harris R.A. Linguistics Wars. N.Y.; Oxford, 1993. Хотя эта книга в основном посвящена важному противоборству в лингвистике – между структурно ориентированным подходом Н. Хомского с его упором на порождающей грамматике (или порождающем синтаксисе) и подходом Дж. Лакоффа, основанным на идее порождающей семантики, – выражение «лингвистические войны» часто используется и для отмеченного мной противоборства в философии языка.

объяснение в терминах условий истинности, то второе, связанное с особыми «коммуникативными» намерениями говорящего, имплицуруется (выводится) из сказанного на основе контекста высказывания и в соответствии с определенными нормами речевого общения – так называемым принципом кооперации и его максимами. В результате разработанная Грайсом теория импликатур, с одной стороны, стала мощным стимулом для развития прагматики как области исследования лингвистической коммуникации, а с другой – заставила разработчиков формальной семантики откорректировать свой подход. Как отмечает один из ведущих представителей данного подхода Скотт Соумс, если еще недавно философы языка, работающие в рамках формальной семантики, исходили из того допущения, что при произнесении того или иного предложения утверждаемое (или сказанное) говорящим исчерпывается семантическим содержанием произнесенного предложения, то «в последние два десятилетия эта картина стала сложнее благодаря признанию того, что (i) семантическое содержание некоторых предложений является неполным и требует добавления к нему прагматической информации, доступной из контекста высказывания, для образования оцениваемых по истинности кандидатов на роль утверждения и (ii) что, даже когда семантическое содержание предложения полно, это содержание часто может быть и дальше обогащено контекстуально представленной информацией»⁴.

Однако было бы неверно делать отсюда вывод о том, что отмеченное противоборство осталось в прошлом. Оно лишь перенесено в другую плоскость и касается теперь главным образом вопроса, где провести границу между семантикой и прагматикой высказываний в речевом общении. Иными словами, оно утратило характер сражений «по всему фронту» и переросло в серию «пограничных столкновений»⁵. Если для Грайса линией демаркации семантики и прагматики служит различие между сказанным и имплицированным, то многие исследователи, отталкиваясь от его идей при разработке прагматики и пересматривая их в некоторых важных аспектах, считают необходимым иначе провести эти границы. Среди предложенных решений особое место занимает теория релевантности, сформулированная Дэном Спербером и Дэйдрой Уилсон. Изложенная в книге 1986 г. «Релевантность: коммуникация и познание», эта теория нашла немало сторонников, и вокруг нее довольно быстро сложилось ведущее и наиболее перспективное направление в современной постграйсовской прагматике.

Теория релевантности, безусловно, известна отечественным лингвистам, тогда как философы в нашей стране пока не уделили ей достойного внимания, хотя она имеет несомненную философскую значимость, которая связана не только с тем, как решается в ней вопрос о границе между семантикой и прагматикой, но и с тем, как трактуется значение, передаваемое собеседниками в ходе их вербальной коммуникации. Именно эти философские аспекты теории Спербера и Уилсон я хотела бы обсудить в настоящей статье, но прежде нужно кратко изложить содержание этой теории. В своем обзоре я буду опираться как на книгу «Релевантность: коммуникация и познание», так и на более поздние работы Спербера и Уилсон, включая их

⁴ Soames S. What is Meaning? Princeton; Oxford, 2010. P. 17.

⁵ Или, как пишут Д. Спербер и Д. Уилсон, оно стало серией «пограничных стычек и вылазок» (Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance. N.Y., 2012. P. x).

совместный труд «Релевантность и значение» (2012), в котором подведены итоги развития теории за более чем два десятилетия и внесены в нее важные изменения и уточнения.

II

Теория релевантности представляет собой вариант когнитивной прагматики. «Когнитивная» в данном случае означает, что изучение вербальной коммуникации строится на выявлении лежащих в ее основе когнитивных процессов и механизмов, т.е., иначе говоря, она понимается как определенный сложно организованный познавательный процесс. Выбор такого ракурса рассмотрения не случаен, поскольку авторы теории релевантности Дэн Спербер и Дэйдра Уилсон занялись лингвистикой, будучи специалистами в области когнитивной науки⁶. Впрочем, их часто относят и к философам, поскольку на сегодняшний день довольно трудно, если вообще возможно, четко разграничить теоретическую лингвистику и философию языка, – представители и той и другой участвуют в совместных дискуссиях на «общем поле».

Когнитивная перспектива рассмотрения вербальной коммуникации заключается уже в самом понятии релевантности, которое трактуется как свойство, которым должна обладать поступающая на вход когнитивной системы и обрабатываемая ею информация. Способность фильтровать информацию и выбирать из нее все то, что является важным и полезным в текущей ситуации, т.е. что обеспечивает «когнитивное вознаграждение» или «когнитивный эффект», выработалась у человеческих существ в ходе их биологической эволюции. «В результате постоянного селекционного давления в сторону увеличения эффективности человеческая когнитивная система развивалась таким образом, что наши перцептивные механизмы автоматически настраивались на выбор релевантных стимулов и одновременно наши механизмы запоминания автоматически настраивались на обработку этих стимулов наиболее продуктивным образом»⁷. Это означает, что ключевой чертой в развитии когнитивных механизмов в их информационном взаимодействии с окружающей средой является направленность на максимизацию релевантности поступающих данных. Именно эта черта фигурирует в теории Спербера и Уилсон в качестве основного – «первого» или «когнитивного» – принципа релевантности:

«(1) Человеческое познание имеет тенденцию к максимизации релевантности»⁸.

Поскольку в жизни человеческих существ вербальная коммуникация образует важнейшую сферу обмена информацией, в ее основе действуют те же когнитивные механизмы и к ней в той же мере применимо понятие релевантности. Однако с учетом того, что язык представляет собой чрезвычайно

⁶ Если говорить точнее, то Дэн Спербер является французским антропологом и когнитивным ученым, а Дэйдра Уилсон – британским лингвистом и тоже когнитивным ученым.

⁷ *Wilson D., Sperber D. Relevance Theory // UCL Working Papers in Linguistics. 2002. Vol. 14. P. 254.*

⁸ *Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and cognition. 2nd ed. Oxford, 1995. P. 260.*

сложно устроенное и совершенное средство передачи информации, «коммуникативный» принцип релевантности содержит в себе важные уточнения:

«(2) Каждый акт остенсивной коммуникации несет в себе допущение о своей собственной оптимальной релевантности»⁹.

В формулировке этого принципа используется термин «остенсивный», который требует пояснения. Обычно остенсией или остенсивным определением называют определение через указание на предмет, который обозначается определяемым термином или понятием. Однако Спербер и Уилсон трактуют остенсию шире – как особый вид поведения, в котором проявляется «явное намерение сделать что-то явным»¹⁰, например, человек намеренно сдвигается в сторону, чтобы тот, с кем он в настоящий момент общается, смог увидеть то, вид чего он до этого заслонял (скажем, приближающегося к ним знакомого), и именно так прочитывается его действие, т.е. не как произвольное, а как реализующее «явное» намерение. Вслед за Грайсом теоретики релевантности полагают, что важнейшим аспектом коммуникации служит распознавание намерений, а потому относят коммуникацию, включая вербальную, к остенсивному поведению. Впрочем, они вносят важные коррективы в грайсовскую трактовку процесса распознавания намерений, но об этом, а также о том, что они понимают под «допущением о своей собственной оптимальной релевантности», я скажу чуть позже, а пока вернусь к когнитивным аспектам теории и отмечу еще несколько моментов.

Во-первых, указанные два принципа релевантности являются дескриптивными, а не нормативными, т.е. они фиксируют встроенные в когнитивную систему механизмы ее действия, потому они могут и не осознаваться теми, кто реализует их в своем поведении.

Во-вторых, поскольку релевантность представляет собой не абсолютное, а относительное свойство, которым поступающая информация может обладать в большей или меньшей степени, то встает вопрос о том, что считать ее оптимальной мерой. Отвечая на этот вопрос, теоретики релевантности исходят из того, что когнитивные эффекты могут быть как позитивными (способствующими осуществлению когнитивной системой своих целей), так и негативными (препятствующими этому осуществлению), а также из того, что получение когнитивных эффектов предполагает усилия на их обработку (усилия по репрезентации входных данных, обеспечению доступа к контексту и т.п.). В результате оптимальная релевантность в понимании Спербера и Уилсона оказывается чем-то вроде компромисса между когнитивными эффектами и усилиями: чем больше их пропорциональное соотношение, тем ближе к оптимальному значению релевантность входных данных.

В-третьих, теория релевантности строится на основе «модулярной» модели функционирования человеческого разума, разработанной американским философом Джерри Фодором¹¹. Согласно этой модели, в разуме имеется «центральный процессор», способный производить колоссальное количество вычислений, и ряд «модулей», которые, будучи автоматически и информационно инкапсулированными ментальными механизмами особого назначения, снабжают центральный процессор информацией. Одним

⁹ *Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and cognition. P. 260.*

¹⁰ *Ibid. P. 49.*

¹¹ См.: *Fodor J.A. The Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology. Cambridge (MA), 1983.*

из таких модулей является языковой модуль, который активируется только вербальными стимулами. В дальнейшем Спербер и Уилсон внесли значительные изменения в эту модель (касающиеся, в частности, центрального процессора, который также был представлен состоящим из отдельных модулей), однако это не столь важно для целей настоящей статьи.

Отталкиваясь от указанных когнитивных представлений, теоретики релевантности предложили новое видение вербальной коммуникации. Прежде всего, они подвергли критике так называемую кодовую модель коммуникации, которая, по их мнению, лежит в основе всех традиционных лингвистических теорий. Согласно этой модели, высказывания представляют собой особого рода сигналы, кодирующие сообщения, которые говорящие намерены передать, и понимание слушающими этих сообщений достигается в результате декодирования данных сигналов. Здесь предполагается, что для каждого значения, которое намерен сообщить говорящий своему собеседнику, есть предложение, имеющее тождественное лингвистическое (или буквальное) значение, поэтому-то передача значения и считается делом кодирования его в соответствующую вербальную форму, которую слушающий декодирует обратно в соответствующее лингвистическое значение. Однако, полагают Спербер и Уилсон, «идея о том, что для большинства, если не для всех, возможных значений, которые говорящий мог бы намереваться передать, имеется предложение естественного языка, которое имеет точно такое же значение в качестве своего лингвистического значения, является совершенно неправдоподобной»¹². Этот свой вывод теоретики релевантности основывают на следующих соображениях.

Кодовая модель, согласно Сперберу и Уилсон, является нереалистичной картиной вербальной коммуникации, поскольку в ней не учитывается существование значительного разрыва между закодированным в произнесенном предложении значением и тем значением, которое говорящий намеревался передать собеседнику посредством этого закодированного значения. Этот разрыв, как полагают многие разработчики современной прагматики¹³, заполняется выводом. Огромная заслуга Грайса как раз и состоит в том, что он указал на необходимость делать определенные выводы в процессе вербальной коммуникации и описал в своей теории имплицатур, как эти выводы совершаются. Тем самым Грайс открыл альтернативу для классической кодовой модели коммуникации – так называемую инференциальную модель, однако, по мнению теоретиков релевантности, он сделал лишь первый шаг в нужном направлении, ибо был склонен минимизировать разрыв между значением предложения и значением, вкладываемым говорящим. В представлении Грайса декодируемое слушающим значение предложения (после того, как приписаны референты индексикальным выражениям, снята многозначность используемых слов и словосочетаний и получены имплицатуры) является очень близким по содержанию к выражению мысли, которую ему намеревался сообщить говорящий. Спербер и Уилсон с этим совершенно не согласны, поскольку это не согласуется с реальной практикой нашей коммуникации. Начнем с того, что, если бы произнесенные предложения достаточно полно кодировали сообщаемую мысль, людям пришлось бы произносить

¹² Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance. P. ix.

¹³ См., к примеру: Carston R. Thoughts and Utterances: The Pragmatics of Explicit Communication. Oxford, 2002.

крайне длинные предложения. Например, вместо того, чтобы сказать своему собеседнику следующее: «Думаю, что Сюзан положила книгу на полку в гостиной»¹⁴, говорящий был бы вынужден произнести примерно следующее: «Я думаю, что Сюзан Томас, моя сестра, положила книгу Спербера, которую она купила два дня назад, на одну из полок в гостиной, расположенной на первом этаже этого дома». Этот пример и множество подобных ему свидетельствуют о том, что значение предложения, как правило, является довольно фрагментарным и неполным и поэтому значение, передаваемое говорящим, значительно выходит за рамки минимальной пропозиции, получаемой при снятии многозначности и приписывании референтов.

Указанная особенность вербальной коммуникации была обобщена в так называемом *тезисе лингвистической недоопределенности* (the linguistic underdeterminacy thesis): то, что люди буквально говорят, менее информативно, чем то, что они действительно хотят передать. Теоретики релевантности одними из первых выступили в защиту этого тезиса и на его основе сделали ряд важных выводов.

Во-первых, произносимые предложения не кодируют значение, вкладываемое говорящим, не кодируют даже его части, ибо их функция состоит в ином – в обеспечении свидетельств, на основании которых слушающий выводит это значение, причем указанные свидетельства предоставляются не только произнесенным предложением, но и контекстом высказывания. Впрочем, это не означает, что процессы кодирования и декодирования полностью исключаются из вербальной коммуникации, поскольку произносимое предложение представляет собой «лингвистически закодированное свидетельство».

Во-вторых, произносимые предложения не выражают полноценные пропозиции, содержание которых фиксируется их условиями истинности, а являются скорее схематичными логическими формами, преобразуемыми в пропозиции посредством выводов, которые делает слушающий¹⁵. Не совсем понятно, что Спербер и Уилсон имеют в виду под схематичными логическими формами. Из того, что они пишут по этому поводу, можно заключить, что, поскольку мы не можем буквально кодировать мысли, которые хотим передать, мы вычлняем из них нечто наиболее важное (релевантное), что в купе с данными, предоставляемыми контекстом, позволит слушающему воспроизвести нашу мысль и тем самым понять, что мы хотели сказать. Возьмем, к примеру, такое произнесенное кем-то предложение: «Эта книга трудна». Даже после того, как будет контекстуально установлена референция выражения «эта книга», данное высказывание все равно остается семантически неполным, и для превращения его в полную, имеющую истинностное значение пропозицию слушающий должен решить, для чего именно, в представлении говорящего, эта книга трудна – для чтения, понимания, написания, обзора, продажи, поиска и т.п. Было бы неправдоподобно допускать, считают Спербер и Уилсон, что информацию для этого решения

¹⁴ Здесь я воспользовалась примером из: Yus F. Relevance Theory // The Oxford Handbook of Linguistic Analysis. Oxford, 2010. P. 687.

¹⁵ Как правило, эти выводы трактуются как недедуктивные или правдоподобные, и, поскольку они совершаются на основе информации, получаемой из контекста, их принято называть прагматическими.

слушающий может извлечь из лингвистических правил и конвенций, определяющих семантику данного высказывания.

В-третьих, если Грайса интересуют главным образом выводы в процессе «имплицитной» коммуникации, т.е. в ходе распознавания «скрытого» намерения, с которым говорящий произнес свои слова, то для теоретиков релеванности выводы играют важную роль и на «эксплицитном» уровне, связанном с обработкой лингвистически закодированных свидетельств. Для такого рода выводов ими был введен специальный термин – *экспликатура* (*expliciture*), которой они дали следующее определение: «пропозиция, передаваемая произнесенным предложением, является экспликатурой, если и только если она является развитием логической формы, закодированной в данном произнесенном предложении»¹⁶. Совместно имплицатуры и экспликуратуры образуют то, что является значением, передаваемым говорящим. Для иллюстрации экспликуратуры Спербер и Уилсон приводят такой пример¹⁷: однажды вечером Лиза забежала к своим соседям Джонсонам, когда они сидели за ужином, и произошел следующий фрагмент разговора:

- a. Алан Джонсон: Не присоединишься к нашему ужину?
- b. Лиза: Нет, спасибо. Я поела.

Произнеся: «Я поела», Лиза хотела сказать не просто то, что она съела что-то в предшествующее время (как было бы истолковано значение ее высказывания при чисто семантическом анализе), она сказала нечто более сильное, а именно, что она уже поужинала в вечер, когда происходит разговор. Это и является экспликатурой (обогащением логической формы произнесенного ею предложения), которую должны с помощью прагматического вывода получить ее собеседники, чтобы правильно понять ее слова. Более того, они так поймут ее слова автоматически, что указывает на неосознаваемый характер многих прагматических выводов.

Наконец, в своем изложении я подошла к ключевому аспекту теории релеванности – к вопросу о том, как в целом происходит понимание или интерпретация слушающими высказывания говорящего. Вслед за Грайсом Спербер и Уилсон исходят из того, что понимание высказывания связано с распознаванием стоящего за ним намерения говорящего, однако если у автора теории имплицатур намерение что-либо сообщить истолковывается как «рефлексивное», т.е. включающее как часть своего содержания необходимость распознавания этого намерения слушающими для обеспечения успешной коммуникации, то в теории релеванности постулируется существование двух видов намерений – информационных (намерений передать сообщение) и коммуникативных (намерений предупредить слушающих о своем информационном намерении); правда, также признается, что для успешной коммуникации необходимо осуществление обоих намерений. Специфика вербальной коммуникации, в представлении Спербера и Уилсон, состоит в том, что в ней коммуникативное намерение лежит на «поверхности», является явным и легко считываемым, ибо, когда человек вступает с нами в разговор, мы мгновенно, без всяких ментальных усилий понимаем, что он собирается нам что-то сообщить. Именно поэтому вербальная коммуникация является остенсивной в том смысле, который был разъяснен выше. И именно об этом, по сути, говорит коммуникативный принцип

¹⁶ Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance. P. 12.

¹⁷ Ibid. P. 11.

релевантности: стремясь к успешной коммуникации, говорящий своим актом высказывания указывает, что он ожидает от слушающих восприятия его высказывания как релевантного. В этом и заключается допущение о собственной оптимальной релевантности, которое несет в себе любой акт остенсивной коммуникации. Разумеется, наличие этого допущения не отменяет, а, наоборот, подводит слушающих к необходимости решить более сложную задачу – распознать информационное намерение говорящего, выстроив посредством соответствующих выводов интерпретацию его высказывания.

В своем описании процесса интерпретации (понимания) слушающим высказывания говорящего теоретики релевантности отмечают несколько его важных характеристик¹⁸. (а) Любое произносимое предложение имеет множество возможных интерпретаций, совместимых с информацией, которая в нем закодирована, поэтому интерпретационная задача, стоящая перед слушающим, заключается в выборе наиболее подходящей интерпретации из этого множества. (б) Не все возможные интерпретации сразу приходят в голову слушающему, некоторые из них появляются после усиленных размышлений над словами говорящего. (в) В распоряжении слушающих имеется единственный общий критерий для оценки интерпретаций и выбора среди них наиболее подходящей. Таким критерием является релевантность. (г) Этот критерий является достаточно эффективным, и его применение позволяет исключить все возможные интерпретации, кроме одной, и на этом прекратить свои поиски.

Каким же образом коммуникативный принцип релевантности осуществляет свою регулятивную функцию в процессе поиска интерпретации для высказывания говорящего? Согласно Сперберу и Уилсон, допущение оптимальной релевантности, которое содержится в каждом акте вербальной коммуникации¹⁹ и означает, что высказывания говорящего заслуживают «обработки» со стороны слушающего и их релевантность согласуется со способностями и предпочтениями говорящего²⁰, с одной стороны, порождает в слушающем ожидание, что высказывание говорящего будет релевантным в каком-то отношении, а с другой – образует основу для особой – *релевантноориентированной* – эвристики понимания, которую слушающие могут использовать в ходе интерпретации высказываний говорящих: «(а) Следуй по пути наименьшего усилия при построении интерпретации высказывания (и, в частности, при разрешении многозначностей и референциальных неопределенностей, при выходе за пределы лингвистического значения, при определении контекстуальных допущений, при вычислении импликатур и т.п.). (б) Остановись, когда твои ожидания релевантности удовлетворены»²¹.

¹⁸ В ясном и обобщенном виде эти характеристики представлены в работе: *Wilson D. Relevance and Understanding // Language and Understanding. Oxford, 1994. P. 44.*

¹⁹ По их словам, «говорящие... не могут, если они совершают подлинный акт коммуникации (а не, скажем, репетируют речь), производить высказывания, которые не несут в себе допущения об их собственной релевантности» (*Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance. P. 6).*

²⁰ *Ibid. P. 7.* См. также: *Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. P. 266–278.*

²¹ *Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance. P. 7.*

Таким образом, используя релевантно ориентированную эвристику, слушающий должен совершить ряд прагматических выводов, которые позволят ему обогатить закодированное значение произнесенного предложения на эксплицитном уровне и дополнить его на имплицитном уровне, а также добавить контекстуальные допущения, которые вкупе с дополненным и обогащенным значением высказывания обеспечат достаточно заключений (или других позитивных когнитивных эффектов), чтобы сделать высказывание релевантным в ожидаемом плане. Совершая все эти выводы, слушающий «измеряет» релевантность в соответствии с критерием «цена-выгода», т.е. он будет склонен выбрать ту интерпретацию, которая удовлетворяет условию наибольшего когнитивного вознаграждения при наименьших ментальных усилиях. В случае вербальной коммуникации позитивные когнитивные эффекты, как правило, представляют собой изменения во взглядах и верованиях индивида. Новая информация считается релевантной, если она, к примеру, позволяет подтвердить или укрепить имеющиеся верования, либо, наоборот, ослабить их или даже аннулировать, либо, сочетаясь с имеющимися у индивида допущениями, привести к важным для него заключениям.

Для иллюстрации рассмотрим следующий пример из книги Уилсон и Спербера «Релевантность и значение»²²:

- a. Билл: Я слышал, ты переехала с Манхэттена в Бруклин.
- b. Сью: Арендная плата ниже.

Интерпретируя высказывание Сью, Билл, в соответствии с коммуникативным принципом релевантности, ожидает, что оно будет релевантным в отношении его собственного замечания, например, опровергнет его, или разовьет в каком-то новом аспекте, или будет включать ответ на имплицитно содержащийся в нем вопрос: «Почему ты переехала?». Поскольку наиболее легкой и подходящей интерпретацией высказывания Сью в этом случае было бы то, что она объясняет свой поступок, Билл должен на эксплицитном уровне дополнить ее высказывание: истолковать «арендная плата» как «арендная плата в Бруклине», а «ниже» – как «меньше по стоимости, чем на Манхэттене» и тем самым принять имплицитное допущение, что более низкая арендная плата является причиной для переезда. Исходя из него, Билл мог бы добавить к нему и другие имплицитные послышки (например, то, что Сью не могла себе позволить арендную плату на Манхэттене, или то, что Сью предпочла бы тратить как можно меньше на аренду) и в зависимости от выбранной посылки сделать свое имплицитное заключение (импликатуру). Поскольку в намерения Сью, когда она отвечала на замечание Билла, входило, чтобы он добавил подобную посылку и вывел подобное заключение, выстроенную им интерпретацию можно считать воспроизведением значения, которое Сью намеревалась передать ему в своем высказывании.

Спербер и Уилсон предложили свой коммуникативный принцип релевантности в противовес принципу кооперации Грайса, ибо считали, что он позволяет дать более адекватное объяснение того, как достигается понимание в ходе вербальной коммуникации. Во-первых, хотя для Грайса интерпретация высказывания говорящего включает построение определенных выводов, в его описании они представляют собой довольно сложную последовательность шагов, которую можно выполнить только осознанно

²² Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance. P. 15.

и рационально. Однако обычно люди не осознают, как они выводят свои интерпретации, поэтому принцип релевантности, отражающий эволюционно закрепленную особенность функционирования когнитивной системы, которая по большей части автоматически выполняет эти выводы, намного лучше согласуется с этим фактом. Во-вторых, в отличие от двухступенчатой модели коммуникации Грайса, согласно которой человек вначале интерпретирует услышанное высказывание буквально, осознает его неадекватность и только затем переходит к выявлению имплицитной информации и построению импликатур, в теории релевантности процесс интерпретации высказывания изображается как более гибкий и динамичный, не предполагающий четкой последовательности шагов: решаемые в процессе интерпретации подзадачи (снятие многозначности и референциальной неопределенности, построение экспликатур, выявление контекстуальных допущений и имплицитных посылок, выведение импликатур) вполне допускают возврат на предыдущие шаги для пересмотра полученных результатов.

Таковы в общих чертах ключевые положения теории релевантности. Эта теория задумывалась, скорее, не как философское, а как научное исследование вербальной коммуникации в рамках когнитивного подхода, но на сегодняшний день еще нет возможности подтвердить или опровергнуть данное в ней описание когнитивных механизмов коммуникативной деятельности. Основные принципы и тезисы теории релевантности имеют пока статус гипотез, хотя ее создатели отмечают в качестве важного достижения тот факт, что выдвинутые ими «гипотезы в отношении базовых когнитивных диспозиций и механизмов, задействованных в интерпретации высказывания... способствовали развитию экспериментальной прагматики»²³. Как бы то ни было, теория релевантности имеет и философскую значимость, о которой я хотела бы сказать в завершении своей статьи.

III

Как было отмечено в самом начале, интерес философов языка к возникшему благодаря усилиям Грайса и его последователей новому направлению исследований – прагматике – вылился, прежде всего, в обсуждение вопроса о границе между семантикой и прагматикой. Как известно, в течение долгого времени доминирующим было представление о том, что «прагматика – это изучение того, каким образом знаки или символы употребляются в контексте, тогда как семантика касается значения символа, взятого в абстракции от его употребления»²⁴. Однако как разработки в рамках самой формальной семантики²⁵, так и исследования позднего Витгенштейна и философов обыденного языка показали, что лингвистическое выражение приобретает значение,

²³ *Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance. P. x. Подробнее об экспериментальной прагматике см.: Experimental Pragmatics. Basingstoke, 2004.*

²⁴ *Salmon N. Two Conceptions of Semantics // Semantics versus Pragmatics. Oxford, 2005. P. 317.*

²⁵ Например, исследования Дэвида Каплана показали, что семантика таких индексикальных выражений, как «здесь», «этот» и др., с необходимостью включает релятивизацию стандартных семантических атрибутов, таких как истинностное значение, содержание и денотация относительно контекстов их употребления (см.: *Kaplan D. Demonstratives // Themes from Kaplan. Oxford, 1989. P. 481–563.*)

которое оно имеет (отчасти или полностью), посредством его употребления. Грайс же, проведя различие между значением предложения (изучаемым семантикой) и значением, вкладываемым говорящим (изучаемым прагматикой), по сути, лишил семантику ее претензий на исключительное «владение» значением. В результате граница между семантикой и прагматикой была истолкована им как граница между сказанным и имплицированным. Однако некоторые последователи Грайса сочли его решение непоследовательным, поскольку в нем признается буквальное или конвенциональное значение предложения, определяемое условиями истинности. Обозначив эту позицию как *буквализм*, ряд исследователей, включая Спербера и Уилсон, противопоставили ей так называемый *контекстуализм*, согласно которому то, что Грайс называет значением предложения, не является полноценной пропозицией и, чтобы образовать такую пропозицию, оно должно быть значительно дополнено посредством прагматических выводов на основе контекста его произнесения²⁶. Это означает, что граница между семантикой и прагматикой проходит иначе – между информацией, кодируемой в вербальной коммуникации, и информацией, получаемой благодаря прагматическим выводам.

На первый взгляд, семантико-прагматическое различие может показаться чисто терминологическим и не затрагивающим природы языка, коммуникации и значения, но это не так. Во-первых, это различие имеет важные методологические последствия. Как показало развитие формальной семантики и прагматики, созданной Грайсом, в языке и вербальной коммуникации есть немало аспектов (индексикальность, многозначность, неопределенность, условные и контрфактические высказывания и многое другое), которые допускают как семантическое решение, так и прагматическое. На каких основаниях можно было бы отдать предпочтение одному из этих решений? Возможны ли критерии оценивания достоинств каждого из них? Думаю, что ответы на данные вопросы можно будет найти, только если мы четко очертим роль и область действия семантических и прагматических факторов в вербальной коммуникации.

Во-вторых, позволю себе высказать предположение, что философы, выступающие за автономность семантики и против ее поглощения прагматикой, стремятся сохранить тот философский взгляд на проблему значения, который сформировался и поддерживался на протяжении XX столетия. Я имею в виду, что, как бы ни трактовалось значение лингвистического выражения – как физическая или абстрактная сущность, как способ употребления, как выражение условий истинности, как диспозиция к определенному поведению и т.п., – его источник, так сказать, всегда локализовался в чем-то одном, что позволяло и само значение рассматривать как нечто единое и определенное²⁷. Если же взять трактовку значения, предлагаемую в рамках современной прагматики, то здесь значение предстает как вырастающее из самых разных источников, будь то психические состояния говорящих (их намерения, верования и воспоминания), биологически закрепленные когнитивные структуры, контекст (как физический, так и социально-

²⁶ Подробнее о противостоянии буквализма и контекстуализма см.: *Вострикова Е.В.* Семантика vs прагматика: современные подходы // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2011. Т. XXX. № 4. С. 99–115.

²⁷ Впрочем, именно этот взгляд на значение был подвергнут критике поздним Витгенштейном в его «Философских исследованиях».

культурный) и т.п. Значение оказывается чем-то сложным и разнородным, и непонятно, как все его разрозненные части могут быть объединены вместе. Я не берусь здесь судить о том, какой из этих двух взглядов на природу значения является правильным. Я хочу лишь обратить внимание читателя на то, как много вещей связано в философии с трактовкой значения предложения как чего-то единого и определенного, как полноценной пропозиции. В логике суждение (высказывание или пропозиция) трактуется как мысль, выражаемая декларативным предложением, т.е. как составляющая его значение. В эпистемологии пропозиции выступают первичным носителем истинностного значения. В философии сознания без них не может обойтись анализ пропозициональных установок (выражений вроде «знает, что», «считает, что», «надеется, что» и т.п.). Радикальный пересмотр природы значения, предлагаемый в рамках современной прагматики, заставляет отказаться от многих сложившихся в философии стереотипов или, во всяком случае, внести значительные коррективы в ряд важных общепринятых допущений.

И еще один момент я хотела бы отметить. Для философов характерно рассмотрение языка и вербальной коммуникации в целом как социального феномена. В теории релевантности же упор сделан на когнитивных механизмах, а социальное измерение коммуникации, по сути, оказалось вынесенным за скобки: если оно как-то предполагается, то только лишь в сократившихся в своей функциональной значимости процессах кодирования и декодирования конвенциональных значений. Хотя Спербер и Уилсон признают это и отмечают, что всеобъемлющая картина коммуникации должна включать и когнитивный, и социальный факторы, не совсем понятно, как можно было бы, опираясь на допущения, лежащие в основе теории релевантности, выстроить адекватное объяснение социальных аспектов коммуникации. Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что теоретики релевантности предпринимают шаги в этом направлении, стремясь вписать вербальную коммуникацию в контекст «культурной эволюции»²⁸.

Список литературы:

- Вострикова Е.В. Семантика vs прагматика: современные подходы // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2011. Т. XXX. № 4. С. 99–115.
- Грайс П. Значение / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2020. Т. 13. № 4. С. 69–88.
- Грайс П. Логика и речевое общение / Пер. с англ. В.В. Туrowsкого // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Carston R. *Thoughts and Utterances: The Pragmatics of Explicit Communication*. Oxford: Blackwell, 2002. 432 p.
- Dummett M. What Do I Know When I Know a Language // *Dummett M. The Seas of Language*. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 94–105.
- Experimental Pragmatics / Ed. by I. Noveck, D. Sperber. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 348 p.
- Fodor J.A. *The Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. Cambridge (MA): MIT Press, 1983. 145 p.
- Harris R.A. *Linguistics Wars*. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1993. 372 p.

²⁸ См.: *Sperber D. Explaining Culture: A Naturalistic Approach*. Oxford, 1996; *Metarepresentations: A Multidisciplinary Perspective*. Oxford, 2000.

- Kaplan D.* Demonstratives // *Themes from Kaplan* / Ed. by J.P. Almog, H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
- Metarepresentations: A Multidisciplinary Perspective* / Ed. by D. Sperber. Oxford: Oxford University Press, 2000. 464 p.
- Salmon N.* Two Conceptions of Semantics // *Semantics versus Pragmatics* / Ed. by Z.G. Szabo. Oxford: Clarendon Press, 2005. P. 317–328.
- Soames S.* What is Meaning? Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2010. 144 p.
- Sperber D.* Explaining Culture: A Naturalistic Approach. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. 184 p.
- Sperber D., Wilson D.* Relevance: Communication and Cognition. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 1995. 338 p.
- Strawson P.F.* Meaning and Truth // *Strawson P.F. Logico-Linguistic Papers*. L.: Methuen & Co. Ltd, 1971. P. 170–189.
- Wilson D.* Relevance and Understanding // *Language and Understanding* / Ed. by G. Brown, K. Malmkjaer, A. Pollit, J. Williams. Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 35–58.
- Wilson D., Sperber D.* Relevance Theory // *UCL Working Papers in Linguistics*. 2002. Vol. 14. P. 249–287.
- Wilson D., Sperber D.* Meaning and Relevance. N.Y.: Cambridge University Press, 2012. 395 p.
- Yus F.* Relevance Theory // *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis* / Ed. by B. Heino, H. Narrog. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 679–701.

The relevance theory, pragmatics and the problem of meaning*

Lolita B. Makeeva

National Research University Higher School of Economics. 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: lmakeeva@hse.ru

The paper discusses the theory of relevance, advanced in the middle of the 1980s by Dan Sperber and Deidra Wilson, in the context of opposition between the proponents of “ideal language philosophy”, or formal semantics, and adherents of “ordinary language philosophy”. Though the theory was created as a version of cognitive pragmatics, an area at the junction of cognitive sciences and theoretical linguistics, it is of undoubted interest for philosophical comprehension of language, verbal communication, and the nature of meaning. Treating verbal communication as a cognitive process, Sperber and Wilson formulate the two most important principles underlying the process – the cognitive principle of relevance and the communicative principle of relevance. The paper explains the basic notions of the theory – ostensive communication, informative and communicative intentions, optimal relevance, explicature; it reveals the advantages that the authors of the theory see in the “inferential” model of communication over the “code” model and discusses how they present the process of understanding a speaker’s utterance by a hearer on the “implicit” and “explicit” levels and what role in the process they ascribe to pragmatic inferences. The account of the relevance theory is accompanied by its comparison with the picture of verbal communication elaborated by Paul Grice, and it is shown that though Sperber and Wilson make a start from Grice’s ideas in many respects, they introduce significant alterations and so they are regarded as representatives of post-Gricean pragmatics. In conclusion, it is examined how, according to the relevance theory, the semantics/pragmatics distinction should be drawn. It is discussed how the proposed decision alters the understanding of the nature of meaning and what consequences it has for philosophy.

* The article has been prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program, 2022.

Keywords: relevance, verbal communication, sentence meaning, speaker meaning, semantics/pragmatics distinction, inferential model of communication, explicature, implicature, communicative intention

For citation: Makeeva, L.B. “Teoriya relevantnosti, pragmatika i problema znacheniya” [The relevance theory, pragmatics and the problem of meaning], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 3, pp. 125–139. (In Russian)

References

- Carston, R. *Thoughts and Utterances: The Pragmatics of Explicit Communication*. Oxford: Blackwell, 2002. 432 pp.
- Dummett, M. “What Do I Know When I Know a Language” in: M. Dummett, *The Seas of Language*. Oxford: Clarendon Press, 1996, pp. 94–105.
- Fodor, J.A. *The Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. Cambridge, MA: MIT Press, 1983. 145 pp.
- Grice, H.P. “Logika i rechevoe obshchenie” [Logic and Conversation], trans. by V.V. Turovskii, *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [The New in Foreign Linguistics], Vol. XVI. Moscow: Progress Publ., 1985, pp. 217–237. (In Russian)
- Grice, H.P. “Znachenie” [Meaning], trans. by L.B. Makeeva, *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 4, pp. 69–88. (In Russian)
- Harris, R.A. *Linguistics Wars*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993. 372 pp.
- Kaplan, D. “Demonstratives”, *Themes from Kaplan*, ed. by J.P. Almog and H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989, pp. 481–563.
- Noveck, I. & Sperber, D. (eds.) *Experimental Pragmatics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 348 pp.
- Salmon, N. “Two Conceptions of Semantics”, *Semantics versus Pragmatics*, ed. by Z.G. Szabo. Oxford: Clarendon Press, 2005, pp. 317–328.
- Soames, S. *What is Meaning?* Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2010. 144 pp.
- Sperber, D. *Explaining Culture: A Naturalistic Approach*. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. 184 pp.
- Sperber, D. (ed.) *Metarepresentations: A Multidisciplinary Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 464 pp.
- Sperber, D. & Wilson, D. *Relevance: Communication and Cognition*, 2nd ed. Oxford: Blackwell, 1995. 338 pp.
- Strawson, P.F. “Meaning and Truth”, in: P.F. Strawson, *Logico-Linguistic Papers*. London: Methuen & Co. Ltd, 1971, pp. 170–189.
- Vostrikova, E.V. “Semantika vs pragmatika: sovremennye podkhody” [Semantics vs Pragmatics: Contemporary Approaches], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filozofiya nauki*, 2011, Vol. XXX, No. 4, pp. 99–115. (In Russian)
- Wilson, D. “Relevance and Understanding”, *Language and Understanding*, ed. by G. Brown, K. Malmkjaer, A. Pollit and J. Williams. Oxford: Oxford University Press, 1994, pp. 35–58.
- Wilson, D. & Sperber, D. “Relevance Theory”, *UCL Working Papers in Linguistics*, 2002, Vol. 14, pp. 249–287.
- Wilson, D. & Sperber, D. *Meaning and Relevance*. New York: Cambridge University Press, 2012. 395 pp.
- Yus, F. “Relevance Theory”, *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis*, ed. by B. Heino, H. Narrog. Oxford: Oxford University Press, 2010, pp. 679–701.